

— Ты действительно всё решил?

Ироничное примечание было намеренно выведено на передний план. Алые буквы, словно когти зверя, излучали злобу самой бездны.

Да, да, я всё решил.

Сакаи Аракава, преодолевая нестерпимую боль, ответил в глубине сознания.

— Ты действительно всё решил?!

Да, именно так.

Неважно, каковы будут последствия, неважно, какую цену придется заплатить — позвольте мне сбежать из этого бесконечного ада.

— Твое сердце говорит мне, что ты ничего не решил.

Красные буквы исчезли, на белой системной панели осталась лишь насмешливая надпись:
■■■: 99.99 (Ты действительно всё решил?).

Вот уж поистине ирония.

Какая нелепость!

Как я могу не знать, решил я что-то или нет? Каким образом мое сердце может сообщать тебе о том, что я еще не определился?

Эти красные буквы — это и есть то самое ■■■? Неужели мои собственные решения требуют подтверждения со стороны моего же сердца?!

Сакаи Аракава чувствовал, что ■■■ просто играет с ним. Как может мое сердце еще не принять решение?!

Аракава начал считать удары своего сердца. В тот момент, когда нож только вошел в тело, сердце сжалось от боли и забилося чаще. А когда лезвие начало скользить по коже, сердце замедлило ритм — самое страшное уже было позади.

Нож был ледяным, а кровь, струящаяся по телу, казалась липкой.

Как холодно.

Сакаи Аракава открыл затуманенные глаза. Из-за физиологической реакции на боль лицо залили слезы.

Преодолевая дискомфорт — шея была зафиксирована, — он мог лишь вращать глазами, пытаясь осмотреться.

Лысый мужчина, который держал его раньше, теперь сидел на месте помощника, а остальных исследователей сменили.

Они продолжали начатое, уже доложив обо всем начальству. Тот самый босс Черной организации уже знал, что Аракава не умрет.

Ну надо же, я не умру, но ведь я всё ещё чувствую боль! Неужели им жалко даже анестезии? Организация — просто сборище подонков!

Аракава лихорадочно размышлял.

Он был без сознания меньше получаса, как же они так быстро раскрыли секрет его бессмертия? Это крайне странно.

Полагаясь на принудительно усиленные способности к памяти и мышлению, Аракава принялся тщательно искать зацепку в недавних воспоминаниях.

А, точно. Тот человек.

Когда лысый поднял его, в самом конце стоял кто-то, покрытый холодным потом, постоянно вздрагивающий. Его рука всё время была спрятана в халате — судя по форме, он сжимал скальпель. Когда Аракава потерял сознание, этот человек подхватил его, надеясь использовать жизнь Сакаи Аракавы как угрозу для остальных членов организации.

Пытался ли он сбежать или просто хотел выжить — неважно. Важно то, что он случайно перерезал Аракаве горло.

Похоже, именно тогда они и обнаружили, что Сакаи Аракава не может умереть.

Видимо, они считают его очень важным, иначе с чего бы кому-то пришло в голову, что жизнь семилетнего ребенка может стать угрозой для такой огромной организации?

Почему? Что произошло, когда меня нашли? Гроб по длине был как раз под мой рост, а на

столе лежало детское женское кимоно. Неужели, когда меня нашли, я был одет в женское кимоно?!

Гроб был чистым, значит, его не выкапывали из могилы. Это означало, что в момент обнаружения организация еще не знала о моем бессмертии.

Почему же меня так оценили только из-за того, что я лежал в гробу? Странно. Зацепок слишком мало, придется отложить этот вопрос.

Аракава позволил мыслям блуждать, пытаюсь отвлечься от того, как исследователи кромсают его, словно лабораторную мышь, — лишь бы сбежать от этой ледяной боли.

Кстати, у Джина такие мягкие волосы. Когда он держал меня, я украдкой потрогал их. Если не брать в расчет его характер, Джин очень похож на длинношерстного кота.

Вдалеке послышался стук кожаных туфель по полу.

Это Джин.

Хм, меня не стали сразу же брать под контроль как подопытный образец? Я всё еще под присмотром Джина. Ничего себе, меня уже препарируют, а организация всё равно хочет, чтобы я тренировался и выполнял задания!

Повторюсь: организация — просто мусор!

Джин прислонился к стене лаборатории и закурил, ожидая, пока выведут мальчишку.

Дверь со скрипом открылась.

Джин посмотрел на ребенка, которого выводили за руку исследователи.

Зеленые волчьи глаза встретились с серыми зрачками.

В глубине серых глаз плескалось море. Пустое, одинокое, полное разрухи и боли. Но в то же время — с нотками высокомерного сострадания ко всему живому.

Снова это чувство: будто тебя видят насквозь, будто твою душу гладят, вызывая дрожь, смешанную с удовольствием.

Сердце Джина забилось чаще. Он сделал глубокую затяжку, пропустил дым через легкие и выпустил его наружу.

Высокий мужчина не обращал внимания на болтливых исследователей. Он присел на корточки, внимательно разглядывая мальчишку перед собой.

Фарфорово-белое лицо наполовину залито кровью. Дрожь, вызванная серыми зрачками, длилась лишь мгновение и исчезла. Казалось, будто пронзительная чистота, которую он только что ощутил, была лишь иллюзией.

Но как опытный киллер, привыкший доверять своим инстинктам, Джин был уверен: он не ошибся.

Хех, всего лишь мальчишка.

Джин грубо осмотрел раны на теле Аракавы.

Смертельные повреждения уже затянулись, оставив лишь тонкие белые шрамы. Остальные, более мелкие раны, заживали медленнее.

На Аракаве снова была черная футболка Джина, он стоял в коридоре босиком.

На правой лодыжке, словно кандалы, красовалась черная татуировка — клетка, подчеркивающая его статус.

На шее, теле, ногах, руках и волосах — где-то брызги крови, где-то она стекала сама, подчиняясь гравитации. Кое-где кровь уже засохла, а кое-где продолжала капать.

Если обернуться назад, на полу можно было заметить цепочку маленьких кровавых следов.

Аракава не понимал, о чем Джин говорил с исследователем, но чувствовал, что тот чем-то недоволен.

Вскоре Джин приказал исследователю отпустить руку Аракавы.

Поскольку того отпустили слишком резко, а Аракава не удержался на ногах из-за проклятия на правой ноге, он пошатнулся и, в замешательстве, схватился за штанину ближайшего к нему Джина.

Правая нога продолжала пульсировать от боли, и Аракаве оставалось лишь держаться за Джина, чтобы не упасть.

Высокий мужчина шел быстро, серебристые пряди волос задевали макушку Аракавы.

Что за безумие творится с Джином?

На лбу Аракавы выступил холодный пот. Слишком больно. Чем больше он напрягал правую ногу, тем сильнее становилась боль — сейчас она почти онемела.

Спустя несколько минут Джин, словно только заметив это, насмешливо хмыкнул и подхватил Аракаву на руки.

Аракава закрыл глаза и, в отместку, вытер холодный пот со лба прямо о плечо Джина.

Джин ничего не сказал, лишь издал короткий смешок.

После череды нелепых проверок Джин взял отчет, посмотрел на результаты и удовлетворенно хмыкнул.

Если не считать проблем с общением и правой ногой, всё остальное можно было назвать превосходным.

Аракава, свернувшись калачиком на плече Джина, не мог не размышлять: Джин так любит хмыкать — совсем как кот, который довольно мурлычет, когда его гладят.

Верно, Джин в душе — длинношерстный кот!

Пока Аракава дремал, Джин принес его в комнату для допросов.

Запах протухшей крови ударил в нос, и, открыв глаза, Аракава содрогнулся от увиденного.

На железном стуле сидело нечто, напоминающее грудку плоти, которая всё еще мелко дрожала от боли. Это был агент общественной безопасности, который до последнего хранил свои принципы и не сдался под пытками.

Аракава, судя по обстановке, состоянию пленника и поведению Джина, понял: этот человек подвергается пыткам уже три дня. Несмотря на всё, он не выдал ни слова.

Сцена была настолько жестокой, что Аракаву едва не захлестнула волна невыносимой боли.

Он даже не осознавал, что его лицо залито слезами. Огромный поток чувств, словно подводное течение, разрывал его мысли. Горькие, тяжелые эмоции, смешанные с ароматом сакуры, встали комом в горле.

Он не мог перестать дрожать.

Зеркала не было, и Аракава не знал, что даже сейчас, когда он плакал и дрожал от боли, на его прекрасном лице не было ни единой эмоции.

Пустота, холод и одиночество.

Этот безмолвный пир видел только Джин.

Глаза Аракавы, скрытые пеленой, снова блеснули. В глубине серых зрачков проглядывала холодная божественность и жалость к людям.

Смешно. Две противоположные эмоции смешались в нелепую, как у клоуна, немую пьесу.

Джин присел на корточки, одной рукой обнял Аракаву, а правой схватил его маленькую слабую ладонь. Левой рукой он вытащил из кобуры свою Беретту M92F.

Широкой ладонью с мозолями от оружия он обхватил руку Аракавы. Джин протянул пистолет и вложил его в руку ребенка. Набравшись терпения, он пальцами разжал кулачок Аракавы и придал его рукам правильную, стандартную позу для стрельбы.

Джин даже заботливо снял предохранитель.

Прижимаясь к Джину, Аракава чувствовал вибрацию его груди, когда тот говорил. Ему не нужно было быть великим сыщиком, чтобы понять: Джин приказал стрелять.

Хотя руки Аракавы были расслаблены, холодный металл в них казался тяжелее тонны.

Аракава посмотрел на человека на стуле. В его ярких глазах читались ненависть к организации и сострадание к самому Аракаве. Его изуродовали до неузнаваемости, он знал, что после смерти ничего не получит, и даже его имя не высекут на надгробии.

Но в его взгляде не было ни капли ненависти. Ни единой.

Нет, я не могу убить.

Тем более я не могу оборвать жизнь агента.

Сакаи Аракава покачал головой, закусил губу и, всхлипывая, начал пятиться назад.

<http://bllate.org/book/21255/2151437>